

ОБРАЗОВАНИЕ в КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ США на ФИЛИППИНАХ

На протяжении всей истории мирового колониализма образование занимало важное место в политике метрополий. Так или иначе, просветительская работа в отношении завоеванных народов велась непрерывно и отвечала целям и задачам, которые колониальные державы перед собой ставили. Не стали исключением и Соединенные Штаты, вступившие в конце XIX в. в разгоравшуюся борьбу за окончательный раздел «колониального пирога».

В отечественной историографии уделяется значительное внимание экономической и политической модернизации жизни Филиппинского архипелага во времена господства США. В то же время американская образовательная политика, на которой зиждились успехи модернизации, обходилась исследователями стороной. Основная масса работ ограничивается лишь упоминаниями о таких шагах как секуляризация образования, демократизация и внедрение английского языка, которые воспринимались в качестве неотъемлемой политики «американизации». Тем не менее подобная тема представляет большой интерес и заслуживает отдельного комплексного анализа. Особенно, принимая во внимание то колоссальное влияние, которое впоследствии американское просвещение оказало на филиппинскую культуру, менталитет, социальную стратификацию и даже, в определенной степени, на формирование филиппинского национализма. Тема, надо сказать, достаточно обширная, поэтому в данной статье лишь крупными мазками будет дана общая картина зарождения американской системы образования на Филиппинах, а также описаны ее роль в подчинении архипелага и возложенные на нее задачи.

Чтобы понять, что определяло формирование колониальной политики США на Филиппинах, в том числе политики образования, необходимо подробно рассмотреть факторы, подтолкнувшие американских руководителей к решению об аннексии островов. Здесь можно отметить заинтересованность американских капиталистов в эксплуатации чужих природных и трудовых ресурсов¹, удачное геополитическое расположение архипелага, которое создавало условия для экспансии американского торгового капитала в другие регионы Азии и, прежде всего, в Китай, а также позиции военно-морских кругов США, имевших свои интересы в приобретении новой колонии. Влияние американских монополий на внешнеполитический курс правительства было бы недостаточным, если бы их взгляды в вопросе захвата и колонизации Филиппинских островов не совпадали с империалистическими взглядами американских военных на азиатский регион. Доктрина «маринизма» и связанная с ней «базовая стратегия» США, возникшие в начале XX в., предусматривали установление контроля над морскими торговыми путями и сдерживание евразийских держав, которые предполагалось удушать в «кольцах анаконды». В рамках реализации подобных глобальных замыслов было принято решение о строительстве американцами мощного флота, захвате новых колоний в разных частях земли и создании военных баз далеко за пределами США. Филиппинам отводилось важное место в этой стратегии.

Но колониальная политика американцев на Филиппинах формировалась не только под влиянием соображений военной и экономической стратегии, но и в тесном переплетении с внутривнутриполитическими противоречиями в самих США, которые приходилось учитывать американским колониальным чиновникам. Наиболее важным здесь было столкновение интересов между отдельными группировками в сфере американских финансов, промышленности и сельского хозяйства в период, когда началась политика широкой колониальной экспансии.

Против приобретения новых и сохранения старых колоний выступали, прежде всего, местные производители сельскохозяйственной продукции (особенно сахарного тростника и та-

бака), опасавшиеся конкуренции со стороны аналогичных товаров из колоний, в том числе с Кубы и Пуэрто-Рико. Ряд представителей американского бизнеса не желали нести бремя налогов и инфляции, сопряженных с военными и административными расходами по захвату колоний, управлению колониальной империей и ее обороне.

Против аннексии Филиппин выдвигались и расовые доводы. В частности, большинство американских южных демократов осуждало «империализм» на том основании, что азиатские народы, подобно неграм, стоят «ниже» белых людей и не могут быть ассимилированы американским народом. Здесь наблюдается схожесть во взглядах с западными расовыми теоретиками², которые также выступали против империализма, потому что видели в нем один из симптомов расового и культурного упадка Европы. Похожую судьбу американские сторонники расовой теории пророчили и Соединенным Штатам, однако их мнение мало повлияло на итоговое решение руководства страны о присоединении новой территории.

Как известно, американцы замаскировали свое военное вторжение на Филиппинские острова под лозунгом оказания помощи филиппинскому народу в освободительной борьбе против Испании. Филиппинская интеллигенция, взявшая в свои руки борьбу за получение больших прав и свобод от метрополии, а в дальнейшем и за независимость от нее, к тому моменту уже два года (с 1896 г.) сражалась с оружием в руках за свои идеалы, ведя за собой филиппинские массы. Американцы, в свою очередь, не преминули воспользоваться политической дестабилизацией и революционными настроениями на островах. Уже 1 мая 1898 г. американская эскадра под командованием адмирала Дьюи разбила испанский флот и блокировала столицу Филиппин Манилу с моря. Затем, в течение шести месяцев американцы занимали выжидательную позицию и не предпринимали активных боевых действий, возложив на плечи филиппинцев зачистку архипелага от испанцев.

Филиппинские революционные лидеры, окрыленные успехами, и заручившись американской поддержкой, уже было формировали правительство и разрабатывали новый проект

филиппинской конституции в Малолосе. В то же время в среде местной филиппинской элиты росли подозрения в отношении планов США на архипелаг. Действия американского командования — наращивание вооруженных сил на островах, уклонение от признания независимости Филиппин, укрепление американского военно-оккупационного режима в Маниле, вывод революционных войск из столичных предместий — все это усиливало опасения филиппинцев.

Надо заметить, что еще Хосе Рисаль, один из наиболее почитаемых национальных героев и писателей Филиппин, обращал внимание на экспансионистские замыслы американцев, витавших в воздухе в начале 90-х гг. XIX в. В своей статье о будущем Филиппин («Филиппины через 100 лет»³), напечатанной 1 февраля 1890 г. в эмигрантской газете «Ла Солидарidad», Рисаль писал о том, что угрожает будущей независимости Филиппин, и упомянул о возможной агрессии со стороны Соединенных Штатов:

«Может быть, великая Американская Республика... когда-нибудь захочет подумать и об иностранных владениях. Такая возможность вовсе не исключена: дурные примеры заразительны, алчность и честолюбие — одни из самых сильных человеческих пороков, а президент Гаррисон продемонстрировал некоторые именно такие качества в своей позиции по поводу Самоа»⁴.

Потенциальную угрозу, исходящую от США, чувствовал и один из ведущих идеологов левого крыла революционных сил, Аполинарио Мабини, последовательно занимавший антиимпериалистическую позицию и предупреждавший о возможных последствиях слепого доверия к этой поднимающейся капиталистической державе. Тем не менее, Эмилио Агинальдо, оказавшийся на посту президента новой провозглашенной независимой Республики Филиппины, продолжал выступать рьяным поборником филиппино-американского союза и прилагал немало усилий для смягчения филиппино-американских противоречий. Итог такой политики хорошо известен: подписание Парижского мирного договора 10 декабря 1898 г., согласно которому Испания уступала Филиппины Соединенным Штатам, и

начало новой освободительной войны филиппинцев, уже с американскими захватчиками.

Далее последовало военное подчинение Филиппинского архипелага, которое вызвало гораздо большие сложности, чем ожидалось американской военной верхушкой. Развертывая военную операцию по захвату Филиппин, правители США не поняли либо не приняли в расчет, какую это вызовет реакцию со стороны народа, поднявшегося на революцию против колониального режима. Уверенное в себе американское командование не рассчитывало на длительную войну. Тем не менее, когда филиппинская регулярная армия решила изменить тактику и перейти к партизанской борьбе, американские военные сильно обеспокоились сложившейся ситуацией. Дело в том, что еще до начала испано-американской войны у американцев имелся четкий план действий по завоеванию латиноамериканских колоний, который был также применен и в отношении Филиппин.⁵ Этот план носил двойственный характер. С одной стороны, он предполагал террор и стравливание местной политической элиты, заинтересованной в сохранении своего привилегированного положения. Эти меры должны были продемонстрировать бессмысленность противостояния могущественной Америке и неготовность филиппинцев к самоуправлению. С другой стороны, были намечены пути «умиротворения» колоний вплоть до их аннексии в виде благожелательного отношения и предоставления определенных прав и свобод. Всё это должно было обеспечить в скором времени политическую стабильность на Филиппинах, так необходимую для достижения американских экономических и военно-стратегических целей.

Но несмотря на наличие подобного плана, как уже ранее отмечалось, определенных трудностей избежать все равно не удалось. Если филиппинскую элиту еще можно было как-то привлечь на свою сторону, то средний класс и крестьянские массы, видевшие в независимости путь к аграрной революции, были настроены на решительную борьбу.⁶ Да и география островов в принципе не располагала к быстрому подавлению партизанского движения. Более 7000 островов, 7,5 млн жителей, десятки разных языков, неразвитость транспортной инфраструктуры⁷ – все это препятствовало американскому блицкри-

гу. Но, несмотря на возникшие препятствия, план по «умиротворению» филиппинского населения вступал в действие одновременно с еще более жестокими методами ведения войны.

На самом деле политика «умиротворения» являлась палкой о двух концах. С одной стороны, она подразумевала некоторые шаги навстречу филиппинским повстанцам, чтобы привлечь их на свою сторону. Одним из первых таких шагов стало создание местных муниципальных органов, которые должны были явить собой образчик «широчайшей свободы самоуправления». 8 августа 1899 г. первый американский военный генерал-губернатор Филиппин Элвелл Отис, издал декрет № 43, предусматривавший учреждение муниципальных советов с задачей поддержания «общественного порядка». Причем, эта муниципальная система, как сами отмечали американцы, во многом походила на старую, испанскую, лишь с незначительным уклоном в сторону предоставления больших свобод. Выборы в органы местного самоуправления – являлись основной свободой.⁸

Открывались и восстанавливались школы, которые закрывались во время филиппинской революции, а затем филиппино-американской войны. Но все эти шаги на первых порах носили непродуманный характер и являлись, в основном, результатами инициатив военных, которые действовали по наитию. Вопрос о статусе островов все еще оставался открытым. Прямых указаний от правительства США на этот счет не поступало, и речь о формировании американской колониальной политики еще не шла. Лишь после того, как президент США МакКинли направил в 1899 г. на Филиппины специальную комиссию,⁹ призванную оценить обстановку на островах и предоставить свои рекомендации к дальнейшим действиям, было принято решение поддержать начинания военных и уделить особое внимание совершенствованию образования в стране, строительству инфраструктуры и развитию демократии под чутким надзором США. Эти меры должны были заполнить вакуум власти и предотвратить вторжение любой другой колониальной силы.¹⁰

В то же время среди американцев зрело понимание, что подавить массовое сопротивление филиппинцев можно только

безжалостными методами. Это стало другой оборотной стороной политики «умиротворения». Американский бригадный генерал, руководивший карательной операцией на острове Самар, Джекоб Смит, писал в одной из своих директив войскам: *«В сложившихся условиях у нас есть только один путь: ...вселить в сознание всего народа неодолимое желание покончить с войной... Впредь задачей наших войск будет вести войну самым решительным и безжалостным образом... даже на территории, которая считается умиротворенной или находящейся под гражданским управлением... В конечном счете жестокая короткая война наименее бесчеловечна»*.¹¹ Следствием такой установки стали зверские расправы над филиппинцами. Одним из распространенных методов борьбы с массовым недовольством стала т.н. «концентрация», то есть насильственное переселение крестьян в оцепленные войсками поселки, чтобы лишить их возможности помогать партизанам. В дополнение к этому была создана местная полиция военного образца – филиппинская констабулярия, набранная из филиппинцев. Как правило, это были наемные убийцы из среды люмпенов, которых мало волновало, на чьей стороне воевать. Применяв такие нехитрые меры, уже 4 июля 1902 г. американцы заявили о завершении военных действий и о переходе к мирному строительству. Конечно, это не отражало реального положения дел, но сопротивление действительно шло на убыль. Как очень образно заметил один из американских исследователей, перефразировавший Мао Цзэдуна¹², «партизанское движение – это море, которое американская программа по умиротворению постепенно осушала, понижая уровень воды, а сами повстанцы – это рыбы. Море превращалось в сотни озер. Озёра мелели, до тех пор пока вся рыба не оказалась в изоляции на суше, уязвимая и бессильная, став легкой добычей своего захватчика».¹³

Работа в сфере образования на Филиппинах для американцев стала одним из ключевых направлений колониальной политики в целом и важной составной частью политики «умиротворения», в частности. Просвещение местного населения не несло прямой выгоды в какой бы то ни было сфере. Это было

исключительно гражданским актом и проявлением «доброй воли» сначала американских военных, а затем и гражданских властей на архипелаге, которые, однако, не упускали из виду вполне реальные выгоды, которые данная политика могла принести.

Как уже было отмечено ранее, после подписания Парижского мирного договора¹⁴, американские военные, взявшие под контроль Филиппинский архипелаг, немедленно приступили к осуществлению функций гражданских властей. Непосредственно ознакомившись с положением дел на островах и столкнувшись с мощным сопротивлением местных националистических сил, американские военные первыми почувствовали важность и необходимость нормализации мирной жизни на островах.

По замыслу военного губернатора Отиса восстановление системы образования должно было стать важной частью политики «умиротворения», проводимой на архипелаге, продемонстрировать благие намерения США по отношению к филиппинцам и показать отличия нынешней колониальной администрации от испанской. Эти отличия должны были выражаться в предоставлении больших свобод, возможностей, а также установлению социальной справедливости. По всей стране стали массово открываться школы. Где было возможно, создавались благоприятные условия для обучения. Американцы всячески пытались завоевать доверие филиппинских родителей, отвлечь их и их детей от участия в войне против американцев, которой те, несомненно, сочувствовали. Американский солдат, действующий на первых порах в роли учителя, должен был стать хорошим примером благих намерений.¹⁵ Даже несмотря на антиамериканские выступления, работа в этом направлении велась непрерывно.

Вскоре стали поступать первые сигналы от президента США У. МакКинли, который заявил о том, что после долгих бессонных ночей и пылких молитв по завоеванию Филиппин он все-таки принял решение в пользу аннексии. Обосновывал аннексию он следующими доводами: во-первых, возвращение Филиппин Испании было бы трусливым и бесчестным поступком; во-вторых, уход американцев отдал бы Филиппины на от-

куп Германии и Франции – торговым соперникам американцев на Востоке; в-третьих, не готовые к самоуправлению филиппинцы не справились бы с анархией, воцарившейся в стране; и в-четвертых, американцам ничего не оставалось, кроме как *«образовать филиппинцев, поднять их с колен, цивилизовать и христианизировать»*¹⁶. При этом, конечно, МакКинли игнорировались 300 лет католической миссионерской работы.

Вслед за МакКинли в пользу просветительской работы стали высказываться и колониальные чиновники Филиппин. Гражданская комиссия У. Тафта, сменившая комиссию Шермана, именovala создание системы просвещения *«самым мощным средством для материального, социального и морального прогресса филиппинцев»*. В свою очередь Артур МакАртур, военный генерал-губернатор Филиппин, сменивший на посту Отиса (1900-1901 гг.), тоже выступал за открытие школ. МакАртур напрямую писал: *«Ассигнование средств на школьное дело следует одобрить прежде всего и исключительно как меру, содействующую военным операциям и рассчитанную на то, чтобы умиротворить население и обеспечить восстановление спокойствия по всему архипелагу»*.¹⁷

Но все это были общие слова, не дававшие целостное представление о том, какая роль в действительности отводилась просветительской работе. В целом, создание системы образования преследовало несколько целей. Американцы исходили из того, что необходимо цивилизовать страну, населенную «низшими существами», чтобы максимизировать потенциальные выгоды завоеваний и достичь провозглашенных экономических и военных целей. Здесь отношение американцев (как сторонников, так и противников аннексии) к филиппинскому населению мало чем отличалось от их высокомерного отношения к национальным меньшинствам в самих США - прежде всего к неграм и индейцам. В то же время, несмотря на мощное сопротивление со стороны филиппинцев, новая колониальная сила предлагала им возможности социальной справедливости и демократическую политическую систему, которые имели все шансы на успех. Так учитывались выдвигаемые еще испанцами требования филиппинских повстанцев, посвятивших себя строительству нации. Образование должно было стать ключом к

формированию гражданского общества на Филиппинах и удовлетворить чаяния филиппинских националистов, стремившихся к дальнейшему развитию национального самосознания. «Филиппинизация», с одной стороны, и «американизация» с другой, должны были стать непрестанными спутниками колониальной образовательной политики.

«**Американизация**» являлась одним из существенных аспектов американского империалистического проекта. Под этим термином подразумевалось внедрение и распространение американских институтов, которые должны были прийти на смену традиционной организации общества. Политика «американизации» объяснялась необходимостью длительного периода развития Филиппин «под опекой» США, для того чтобы филиппинцы могли пройти школу «демократического воспитания» и приобрести навыки политической и государственной деятельности. Просвещение же выступало как средство культурной «американизации» филиппинцев. Внедрение английского языка в школах воспринималось как один из самых действенных методов политики «американизации».

Процесс «**филиппинизации**» должен был служить как бы обратной стороной «американизации» и продемонстрировать добрую волю американских колониальных властей. Он предполагал расширенное участие филиппинцев как в создаваемой американцами системе политико-административного управления, так и в образовательных учреждениях, которые при испанцах были монополизированы монашескими орденами.¹⁸ Руководствуясь этой идеей, Тафт провозгласил лозунг «Филиппины - для филиппинцев», который, однако, не пришелся по душе многим американским бизнесменам и сторонникам расовой теории. Но и тут был найден инструмент по замирению противников такой политики, и как ни парадоксально, в качестве такого инструмента было использовано все то же... просвещение. По мнению Тафта, чтобы надлежащим образом развить филиппинский рынок, сочетая при этом «честь и выгоду», необходимо было иметь в виду следующее:

«Американская торговля на архипелаге, если она ограничивается удовлетворением спроса местных американцев на товары и продукты, может рассчитывать не более чем на

двадцать тысяч потребителей, не считая находящихся здесь солдат. Если же создать и развить соответствующий спрос у филиппинского населения, то число потребителей возрастет до 7,5 млн. В этом единственная надежда, единственно возможный источник развития предпринимательства и торговли, в полном смысле этого слова, для Соединенных Штатов и их коммерсантов. Развитие материального благосостояния и просвещения филиппинцев по необходимости создаст у них потребность в таких товарах, которые сейчас, пока они бедны, считаются роскошью, но станут предметом необходимости, когда они будут богаче и образованней. Осуществление принципа «Филиппины – для филиппинцев», то есть содействие материальному, духовному и интеллектуальному развитию народов этих островов, - единственный курс, который может создать среди местного населения рынок для американских товаров и продуктов, что позволит нашим торговцам и промышленникам извлекать выгоду из отношений между США и Филиппинами». Тафт уверял, что когда американская политика «сделает торговые связи между обеими странами прочными и взаимовыгодными, филиппинцы с благодарностью оценят свой союз с метрополией и сами не захотят разрыва этих связей».

Был сделан реверанс и в сторону расистски настроенных представителей американского истеблишмента. Считалось, что ассимиляция филиппинского населения при намеченном курсе неизбежна, и в этом случае не оставалось ничего другого кроме как сформировать новую расу. Образование могло бы разрешить и это противоречие. Дело в том, что в начале XX в. в США была весьма широко распространена концепция «расового вырождения», которая утверждала, что любая раса может быть евгенически усовершенствована. В рамках этой теории предполагалось уделять особое внимание развитию «цветного» населения как морально-интеллектуальному, так и физическому (занятие спортом и устранение физических дефектов должно было приблизить «мятущихся дикарей»¹⁹ к белой расе).²⁰ Прямо об этом никто из колониальных чиновников не говорил, однако в дальнейшем эта идея нашла подтверждение и в миграционной курсе США. Возведя евгенику чуть ли не в нацио-

нальную политику, Конгресс США в 1916 г. принял закон Джонса, который содержал в себе обещание предоставления Филиппинам независимости и тем самым возвышал филиппинцев, непреложно считавшихся азиатами, перед другими азиатскими колониальными народами. Год спустя похожий закон был принят и для пуэрториканцев, которые в результате получали американское гражданство и автоматически переводились в ранг «белых» людей. Используя подобный расовый шаблон в Законе об иммиграции в этом же году, американские законодатели запретили «анархистов, эпилептиков, «дурачков», полигамистов» и всех других жителей обширной «Азиатской запретной зоны», которая протянулась от Турции до Юго-Восточной Азии.²¹

Так что усилия в образовательной политике должны были работать как на американских сторонников аннексии Филиппинских островов, так и на их противников. В то же время она должна была ослабить филиппинский национализм и содействовать умиротворению населения. Учитывая, что при грамотном подходе к определению характера образования такая политика в долгосрочной перспективе могла принести солидные экономические дивиденды, американским колонизаторам было над чем подумать. Но для этого необходимо было тщательно изучить опыт испанских предшественников, учесть ошибки прошлого и наметить возможные пути развития филиппинского образования нового колониального образца.

¹ Барышникова О.Г., Левтонова Ю.О. Филиппины и США: 200 лет противостояния, компромиссов, партнерства. М.: Наука, 1993. 8 с.

² Одним из таких теоретиков был Жозеф-Артур де Гобино (1816-1882 гг.), автор арийской расовой теории, изложивший свои взгляды в двухтомнике «О неравенстве человеческих рас».

³ Рисаль Х. Избранное. // Филиппины через 100 лет. М.: Издательство восточной литературы, 1961

⁴ В 1899 г. в ходе конфликта между США, Германией и Великобританией Самоа было разделено на западную и восточную части — соответственно германскую и американскую сферу интересов. Это событие обо-

значило американские притязания на участие в колониальной борьбе с другими метрополиями.

⁵ Ларин Е. А. Политическая история Кубы XX века, М.: Высшая школа, 2007; Documentos para la historia de Cuba. La Habana, 1977. Т. 1. p. 511-514.

⁶ Помрой У. Становление американского неокOLONиализма, М.: Прогресс, 1973. 101 с.

⁷ Timothy K. Deady Lessons from a Successful Counterinsurgency: The Philippines, 1899-1902.

⁸ The Philippine Commission. Jacob Gould Schurman, George Dewey, Dean C. Worcester, Charles Denby. 1899, p.10.

⁹ Филиппинская Комиссия Шермана.

¹⁰ Ibid p.16.

¹¹ Sen. Doc. 331, op. cit., p. 1571-1573// У. Помрой.

¹² «Партизан должен двигаться среди людей как рыба плавает в море», Мао Цзэдун.

¹³ Timothy K. Deady. Lessons from a Successful Counterinsurgency: The Philippines, 1899-1902.

¹⁴ Treaty of Peace Between the United States and Spain; Article IX. December 10, 1898.

¹⁵ Reports of the Taft Philippine commission, 1900-1901, p. 106-108.

¹⁶ General James Rusling, "Interview with President William McKinley," *The Christian Advocate* 22 January 1903.

¹⁷ Census of the Philippine Islands, 1903, vol. III, p. 640.

¹⁸ Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М.: Наука, 1979.

¹⁹ Киплинг Р. Бремя белого человека.

²⁰ Solsiree Del Moral. Negotiating Colonialism. "Race", Class and Education in Early-Twentieth-Century Puerto-Rico // Colonial crucible: Empire in the making of the modern colonial state, 2009. p. 139.

²¹ Alfred W. McCoy, Francisco A. Scarano and Cortney Johnson. On the Tropic of Cancer. Transition and transformations in the U.S. Imperial State. // Colonial crucible: Empire in the making of the modern colonial state, 2009, p. 19.